

Предлагаем познакомиться с воспоминаниями ветеранов фронта и тыла Новоуральска из местных газет. Рассказываем о **НИНЕ ИВАНОВНЕ ОДИНЦЕВОЙ**.

ДО СИХ ПОР НЕВЬЯНСК НЕ ЛЮБЛЮ

«До сих пор Невьянск не люблю», - говорит Нина Ивановна Одинцева. За что его любить: за то, что молодость украл, по 12 часов работать заставлял? Проголеть - нельзя, опоздать - нельзя, а тем более домой или куда там еще убежать - Боже сохрани! Сразу бы срок заработала по законам военного времени... Конечно, не город во всем виноват - война.

Вспоминать то время и тяжело, и не хочется. Но, опять же, если не вспомнишь и не расскажешь, откуда нынешняя молодежь знать будет про все те лишения, беды, горе человеческое, которые закалили, научили выживать и никаких трудностей не бояться целое поколение россиян.

В то утро молодежь из Нейво-Рудянки собралась на Семь Братьев. Было все спокойно, ничто беду не предвещало. На дачном поезде Нижний Тагил - Свердловск добрались до места, повеселились, «пьянок тогда не было», в строгости воспитывали молодежь. Но на обратном пути на вокзале уже про войну шли разговоры.

Вернулись домой, и от мамы она услышала: «Война долго будет, это ведь с германцем».

Весь их класс отправили работать на торфяники, никто не смотрел, что им по 14-15 лет. На полном серьезе они топливо заготавливали. Из брикетов торфа делали штабеля. На самом верху штабеля Нина вместе с такими же Дюймовочками (она маленькая росточком) работала, они последние брикеты укладывали так, чтобы домиком было.

Лето проработали, зимой учились, а весной...

Из всех близлежащих к Невьянску поселков и деревень по повесткам собрали подростков (увильнуть нельзя - посадят) в ФЗО. Для нынешней молодежи расшифруем - фабрично-заводское обучение.

Обучение - значит, учить чему-то должны. А когда? Показали каждому его операцию - и все, конвейер на войну на Невьянском механическом заводе заработал. Хоть и написано в аттестате, что она окончила «курс пятимесячного производственного обучения по профессии токарь», это далеко не так. Всю теорию на практике проходила. Одна правда в этом документе - «сдала пробу (испытание) на хорошо, третий разряд».

Это сейчас рассказывать легко, а тогда. «Все руки - в кровь, косы плести не могла. Ни перчаток, ни рукавиц. Эмульсия болячки разъедает».

Выполняла одну и ту же операцию. Лунку делала в корпусе, который после полировки к ней поступал. Кидать нельзя - только в штабель складывать. И так 15 дней - с 7 утра до 7 вечера, день пересменка (24 часа на отдых), и снова, только уже с 7 вечера до 7 утра. Теперь кому ни расскажет про такой вот график работы, никто не верит. Правда, 15-летние по 8 часов работали.

Постоянно хотелось и есть, и спать. Особенно тяжело было ночью, под утро, часа в 4, в 5. Тогда они уходили в туалет. Придут, лицом к стенке встанут и дремлют. А мастеру дремать не приходилось - план с него требовали. Он и вылавливал их, полусонных.

Пока числились в ФЗОшниках, их кормили. Потом деньги платили. На талон - 700 граммов хлеба. Что-то на базаре прикупали. Нине попроще было - из дома помогали. Как домой ходили - отдельная песня. Отстоят у станков по 12 часов и - в Нейво-Рудянку, своих повидать, съестного взять. А путь не ближний - 25 километров. Приплетутся домой (ходили по несколько человек), отогреются, а утром - на дачном поезде обратно.

Не сказать, что уж совсем голодали, но есть хотелось постоянно. Им, жителям окрестностей Невьянска, все же полегче было. А вот приезжим...

Вместе с уральцами на войну работали подростки из Орла, Смоленска, других центральных городов России. Бедненькие, они порой и по помойкам рылись в поисках еды. На колхозном поле даже мороженую картошку нельзя было собирать - наказывали.

А в чем они ходили? Выдадут им какую-нибудь одежонку. Хоть и недалеко от общежития бежать до цеха, все равно холодно, не для зимы были те пиджаки и куртки. Отвалится рукав, а они так без него и ходят. А на головы девочки простынки надевали... Однажды на глазах Нины одну девчонку таким вот импровизированным

платком и задушило. Подошла к ней подружка, она повернулась спиной к станку. Простынкухватило и намотало на суппорт. Не смогли спасти...

На ногах почти у всех - колодки: подошва деревянная, а сверху брезент. Идут на смену - «стукотня стоит». У Нины отец был сапожник, поэтому не надо было никому кланяться, чтобы туфлишки какие - никакие залатать. Колодок она не знала.

Что с приезжими стало? Может, кто замуж после войны выскочил и на Урале остался. Может, все домой повозвращались после войны... Но так их всех было жаль!

Уставали до слез... Домой хотелось. И чтобы война скорее кончилась. А в голове все мамины слова звучали: «Эта война надолго, она с германцем». Все думалось: «Неужели долго воевать будем? Как жить-то?».

Но прогнали германцев. И радости по этому поводу не было предела. Смена Нины в ночную работала. Утром про Победу узнали... Помнится, день был серый, с дождем. А настроение было не по погоде. У проходной завода митинг состоялся.

Войне конец пришел, а кругом - разруха. И снова - работа, работа, работа. Уже мирные законы пошли. Нина перки фрезеровала. К этому времени ее из цеха № 3 в 11-ый перевели. В Красном уголке этого цеха ей и вручали медаль за доблестный труд в годы войны.

И что ты там ни говори, обида берет. На войну, что так вкалывать пришлось, на тех людей, которые не верят, что шестнадцатилетние по 12 часов из цехов не выходили; на то, что и погулять-то некогда было, о ребятах не думали. А когда еще про них думать-то, как не в молодости?...

Больше всего обижает, когда фронт тылу начинают противопоставлять. Конечно, на передовой или в партизанах страшной было, спору нет. «Но чем бы они стреляли, если бы мы в тылу не работали?» - говорит Нина Ивановна, как бы защищая и себя, и всех тыловикиков. Потому и побеждали в боях, что в каждом снаряде были ненависть к врагу и уверенность, что Победа будет за нами.

Стахеева Н. «До сих пор Невьянск не люблю» / Надежда Стахеева // Наша городская газета. - 2005. - № 12. - С. 2, 10 : фот.